

Михаил Шевляков

ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ КАТАСТРОФЫ

≡ 1929–1942 ≡

WORLD'S HIGHEST STANDARD OF LIVING

Михаил Шевляков

ВЕЛИКАЯ ДЕПРЕССИЯ

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ КАТАСТРОФЫ

≡ 1929–1942 ≡

ПЯТЫЙ РИМ
МОСКВА
2016

УДК 338.124.4
ББК 65
Ш 37

Оформление переплета М. Левыкина.

Шевляков М.
Ш 37 Великая депрессия: закономерность катастрофы. - М.: Издательство «Пятый Рим» (ООО «Бестселлер»), 2016. - С. 240, ил.

ISBN 978-5-9907593-2-9

Более восьмидесяти лет прошло с того времени, когда паникой на нью-йоркской бирже мир начал отсчет эпохи Великой Депрессии. Эпоха процветания - «ревушие двадцатые» - исчезла как сон, и на долгие годы успех и счастье сменились отчаянием и страхом. Эпоха Депрессии описана многими, экономисты сломали немало копий, анализируя зарождение и развитие экономической катастрофы. До сих пор наш мир несет на себе следы той эпохи, до сих пор люди пользуются идеями и определениями того времени - но до сих пор многие уроки тех лет остаются невыученными.

В своей работе автор рассматривает различные точки зрения на события Великой депрессии, анализирует ее причины и предпосылки, сравнивает ход экономического кризиса в различных странах, рассматривает последствия этого затяжного кризиса и обращает внимание читателя на основные уроки тех лет, имеющие значимость и в наше время.

УДК 338.124.4
ББК 65

ISBN 978-5-9907593-2-9

© Шевляков М., наследники, 2016
© Издательство «Пятый Рим»™, 2016
© ООО «Бестселлер», 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	7
<i>Глава первая. Лихорадка в Нью-Йорке</i>	10
<i>Глава вторая. Слепые пророки и хлеб как уголь</i>	24
<i>Глава третья. Гувер и Рузвельт</i>	38
<i>Глава четвертая. Новый, новый, новый курс</i>	55
<i>Глава пятая. Лонг, Кофлин, Таунсенд</i>	70
<i>Глава шестая. Под крышкой кипящего котла</i>	87
<i>Глава седьмая. Старый Свет – старые дразги, старые проблемы</i>	101
<i>Глава восьмая. Полет бумеранга</i>	117
<i>Глава девятая. Черный обелиск Германии</i>	131
<i>Глава десятая. Азия: рис, труд, деньги</i>	146
<i>Глава одиннадцатая. Время тьмы, время гнева</i>	162
<i>Глава двенадцатая. Даймократия</i>	178
<i>Глава тринадцатая. Глубже, чем дно</i>	193
<i>Глава четырнадцатая. Пушки вместе с маслом</i>	209
<i>Глава пятнадцатая. Зачарованное наследство</i>	223
<i>Эпилог</i>	237

ПРОЛОГ

Об экономике сказано много слов, написано немало статей и книг. Рядами они теснятся на полках библиотек, храня на своих страницах секреты экономического процветания и универсальные рецепты достижения успеха. Казалось бы - следует всего лишь тщательно исполнять предложенные в этих книгах алгоритмы - и счастье и благоденствие не за горами. Однако же ни для кого не является секретом то, что даже самое тщательное исполнение указаний маститых авторов не страхует от неудач, а периоды экономического процветания сменяются жесточайшими экономическими кризисами.

Что же является причиной? Что именно дает сбой и приводит к разнице между теориями и реальностью? Где скрыта та небольшая, но важная деталь, которая препятствует работе отлаженного механизма?

Уже давным-давно во многих областях наука оперирует таким понятием, как «человеческий фактор», изучая возможные критичные действия оператора некоего механизма или пользователя некоего устройства. Но если в инженерных науках учесть воздействие человеческого фактора еще представляется возможным, то в экономике, где счет продавцов и покупателей идет на миллионы, предположения об их совокупном влиянии на работу экономического механизма являются весьма расплывчатыми. Миллионы людей, движимые своими интересами, тянущие всяк на себя одеяло экономического благополучия, действуют, казалось бы, по гарантирующим успех методам и схемам - но суммарный результат их *совместных* действий может оказаться прямо противоположным ожидаемому. И если даже результаты действий мелкой рыбешки, плещущейся в экономических волнах, могут при самых благих побуждениях иметь самые печальные последствия, то что уж говорить об экономических акулах? Когда целью является не просто личное экономическое благопо-

лучие, но благополучие за счет конкурентов, когда начинается игра не «за», а «против» – вероятность того, что влияние человеческого фактора, результат действия конкретных людей окажется в целом негативным, только возрастает. А ведь речь не только о конкурентной борьбе и битвах за рынок. Большая экономика неотделима от политики, а политика – от экономики. Те или иные решения, принимаемые из сугубо политических соображений, максимально выгодные политически – могут оказаться при этом экономически провальными и привести к самым печальным последствиям для миллионов людей.

Пожалуй, наиболее известным из случаев, когда детали большого экономического механизма пошли работать в разлад, когда миллионы внезапно оказались в пропасти экономического бедствия, одним из первых случаев, когда экономические проблемы проявились в глобальном масштабе, является Великая депрессия, начавшаяся в 1929-м и затянувшаяся на долгие годы. Во время Великой депрессии воздействие человеческого фактора проявилось наиболее ярко и полно – и в последствиях совокупных действий множества мелких участников рынка, и в действиях руководств больших фирм и корпораций, и, что еще более важно, в действиях политиков, использовавших экономические рычаги для решения совсем не экономических задач.

За десятилетия, прошедшие с тех пор, экономические кризисы неоднократно сотрясали мир. Отчасти это было связано с тем, что многие уроки Великой депрессии не были выучены нерадивыми экономическими учениками, вновь понадеявшимися на бесконечное благоденствие. Отчасти это было связано с тем, что не все выводы, сделанные из этих уроков, были верны. Важную роль играет и то, что шестеренками экономического механизма все так же остаются миллионы людей со своими разнонаправленными интересами, живых людей, а не бездушных автоматов – и поэтому некоторые ошибки и погрешности принципиально неустранимы. Все экономические кризисы имеют черты подобия между собой. Все экономические кризисы разнятся в мелочах. Никто: ни один экономист, ни один историк экономики – никогда не сможет сказать: вот, ровно через три дня, или в точности завтра поутру, начнется кризис, такой же, какой был в 19... году. Сколько бы мы ни оглядывались на прошлое – мы

не сможем предсказать будущее с точностью до дня, часа, минуты. И тем не менее всматриваться в прошлое необходимо – всматриваться внимательно, сбросив пропагандистские шоры и розовые очки, – чтобы если не предсказать будущее, то хотя бы постараться избежать наиболее болезненных ударов. Постараться не наступать вновь на те же самые грабли, на которые человечество наступило в далеких 1930-х годах.

Внимательное изучение и понимание прошлого не гарантирует идеального будущего, не спасает от всех ошибок – но, по крайней мере, у нас появляется надежда избежать наибольших из них. Так давайте же взглянем попристальнее на Великую депрессию – что же это было и почему это было именно так.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

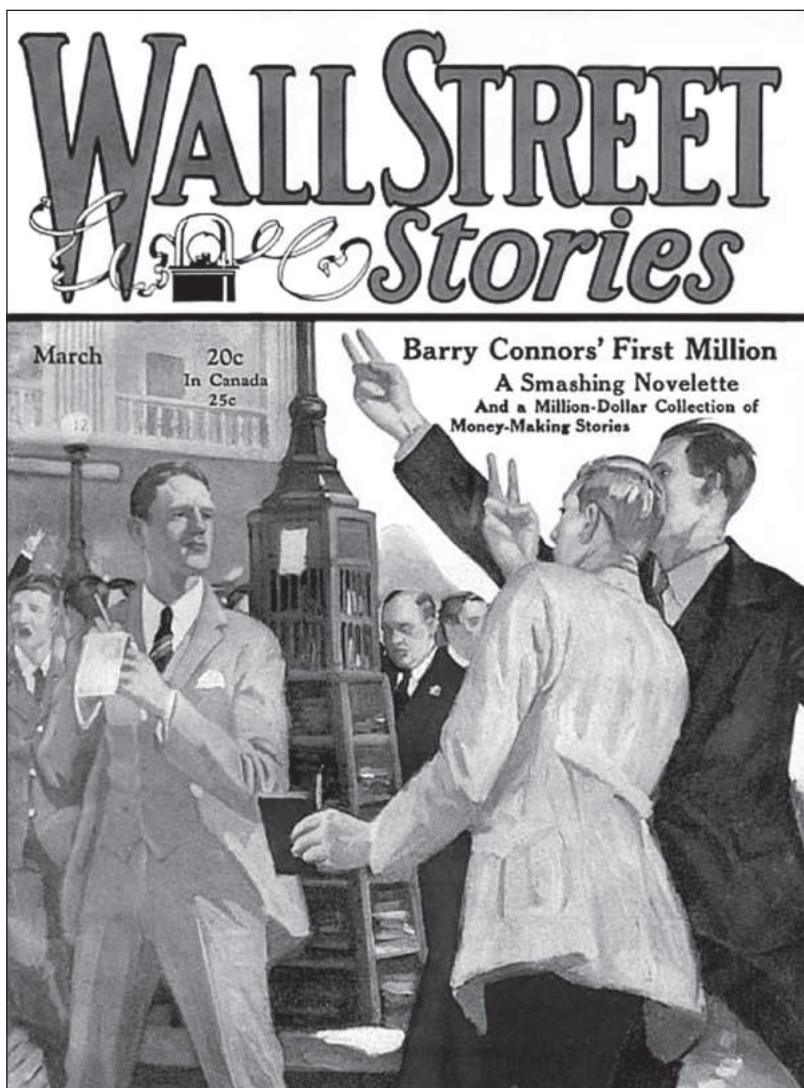
ЛИХОРАДКА В НЬЮ-ЙОРКЕ

В 1920-е годы десятки тысяч филиппинцев перебрались в Калифорнию, став там наемными сельхозработниками, готовыми работать с самого раннего утра и до вечера, с пятнадцатиминутным перерывом на завтрак и получасовым перерывом на обед, за жалкие двадцать долларов в месяц. Такой массовый наплыв дешевой рабочей силы вскоре привел к нарастанию напряженности между филиппинцами и белыми фермерами – и тлевшие искры вспыхнули пламенем, когда 24 октября 1929 года в сельскохозяйственном районе Сан Хоакин Вэлли белые фермеры подняли бунт, требуя изгнания конкурентов.

В тот же самый день, 24 октября 1929 года, на противоположном конце Соединенных Штатов, на берегу Великих Озер, спасатели обнаружили тела членов экипажа затонувшего двумя днями ранее железнодорожного парома «Милуоки».

В тот же самый день, 24 октября 1929 года, киностудия Уолта Диснея представила зрителям свой новый музыкальный мультфильм «Весенняя пора» – первый из четырех, посвященных различным временам года. Однако главной вехой этого дня стал отнюдь не антифилиппинский мятеж, не обнаружение жертв кораблекрушения и уж тем более не новый веселый мультфильм.

В этот день, как обычно, в 10 часов утра начала свою работу Нью-Йоркская фондовая биржа – а уже в начале двенадцатого тиккерные аппараты (специальные телеграфные устройства, распечатывавшие для брокеров котировку ценных бумаг) просто захлебывались от информации. Способные печатать один символ в секунду, выстреливающие по-пулеметному короткими комбинациями букв и цифр, понятных только посвященным, они просто не успевали за стремительно меняющимися событиями. Если в обычные дни торгов количество переходив-

Обложка журнала Wall Street Stories, март 1929 года. Заработать свой первый миллион на бирже кажется таким простым делом.

ших из рук в руки акций было около четырех миллионов - то в этот день, вошедший в историю экономики как «Черный четверг», через торги прошло 12 894 650 акций. Самым страшным при этом было то, что все спешили отнюдь не покупать - бро-

керы сбывали свои акции с невероятной, ненормальной лихорадочностью, так, словно они жгли им руки – и в стремлении избавиться от акций они опускали их цену все ниже и ниже.

Паника стала символом биржевых торгов. Безумие, охватившее брокеров, страх не успеть продать приводили к тому, что они уже не ждали, когда на ленте тиккера появится требуемая информация, а торговали без малейшей оглядки на реальный курс и вес акций, распродавая за гроши даже сулившие устойчивую прибыль ценные бумаги.

Через два часа после начала торгов и через час после того, как биржевое безумие стало всеохватным, состоялось совещание нескольких ведущих финансовых игроков – представителей основных банков страны. Ими было принято решение совместными усилиями остановить крах биржи и сыграть на повышение – и уже в 13:30 ими были потрачены значительные суммы на покупку ценных бумаг: в течение часа стоимость U.S. Steel поднялась до 15, AT&T до 22, General Electric до 21, Montgomery Ward до 23 долларов за акцию¹. Банкиры действовали не наобум: они придерживались тех же методов, которые двумя десятилетиями ранее позволили остановить биржевую панику 1907 года. Казалось бы, дело пошло на поправку – и по итогам дня снижение индекса Доу-Джонса² было довольно незначительным: 33 пункта или 9 процентов. В три часа дня биржевая битва была окончена, опустевший зал торгов затих, остался только шелест ворохов бесполезных бумажных лент, да еще более часа тиккеры тарахтели навсегда опоздавшими данными котировок, выдавая те сведения, которых так и не дождались лихорадочно торговавшие брокеры.

Пятничные торги на бирже совсем не походили на суетливые метания четверга. Держатели акций и брокеры больше пытались прийти в себя и осмыслить предшествовавший день, понять, как же так вышло, что своими собственными руками они за несколько часов лишили себя миллионов долларов. Ведь, каза-

¹ Таким образом, за счет слаженных действий удалось повысить стоимость акций этих компаний на 25-30% по сравнению с наинизшим уровнем дня, когда они подешевели в 2-2,5 раза.

² Индекс Доу-Джонса – среднее арифметическое от стоимости акций 30 ведущих американских компаний, представляющих основные отрасли промышленности, исчисляется в конце каждого биржевого дня и служит для определения общих тенденций на рынке ценных бумаг.

Заголовки американских газет 24–30 октября 1929 года: паника, попытка успокоения, вновь паника и вновь попытка успокоения.

лось бы, они все делали правильно - и после того, как в среду рынок ценных бумаг проявил тенденцию к снижению котировок, в четверг следовало поспешить и избавиться от тех бумаг, которые могли стать опасным балластом во время финансовой бури. Действительно, статьи в New York Times и Washington Post, опубликованные утром 24-го и посвященные событиям среды, сообщали о том, что фондовый рынок претерпел значительное снижение. Если бы не события 24 октября 1929-го, то именно среда, с ее сокращением рыночной стоимости акций на 4 миллиарда долларов - 4,6% - осталась бы в истории как случай наибольше-

го снижения фондового рынка. Вся логика событий, весь опыт, накопленный предыдущими поколениями брокеров – а Нью-Йоркская биржа лишь немногим моложе Соединенных Штатов – буквально кричали в уши: «Продавай! Продавай! Продавай!»

И что же? Вместо того, чтобы, пожертвовав частью, сохранить основное, биржевые игроки растеряли все – и вот уже заголовки газет сообщали не об опасности паники, а о панике, не об опасности краха, а о крахе.

Осторожно и неуверенно оглядываясь друг на друга и на китов большого бизнеса, многочисленные обитатели зала торгов нерешительно, словно наощупь, заключали пятничные сделки. Да, одиннадцать брокеров свели счета с жизнью, но остальные, затянув потуже пояса, все еще собирались продолжать свою игру: в конце концов, это был не первый биржевой кризис, пережитый Соединенными Штатами, и слаженные действия больших игроков сулили некоторую надежду на то, что ситуацию вскоре удастся выправить к лучшему. Но у ситуации 1929 года было одно, весьма существенное отличие от ситуации 1907 года.

Выйдя из Первой мировой войны крупнейшим кредитором Европы¹, довольно-таки быстро оправившись от неизбежного после окончания войны и прекращения значительных правительственных заказов снижения экономических показателей, США вступили в «ревущие двадцатые» – невероятный, небывалый ранее и никогда не повторившийся позже период промышленного и экономического роста.

В течение одного десятилетия жизнь страны коренным образом преобразилась. Технологический скачок времен Первой мировой войны, связанный с форсированным развитием военно-промышленного комплекса, послевоенная конкуренция и ослабление налогового бремени со стороны государства привели к тому, что за считанные годы многие американцы действительно встали на путь успеха. Автомобиль и радиоприемник больше не были символами роскоши. Даже собственный дом стал вполне достижимой реальностью: в 1924-м, когда численность населения бурно растущего Лос-Анджелеса превысила

¹ В 1914 году долг США перед европейскими странами был равен 3,75 миллиарда долларов, а к 1919 году объем кредитов, предоставленных Соединенными Штатами европейским странам, составил более 10 миллиардов долларов.

Брокер у тиккерного аппарата. Изобретение Эдисона годами служило верой и правдой, пока не оказалось уязвимым звеном биржевой системы.

миллионную отметку, более половины его жителей были именно владельцами коттеджей, а не снимали квартиры у домовладельцев. В какой-то момент идея неостановимого, бесконечного процветания овладела умами десятков миллионов американцев – и одним из путей к этому процветанию, одним из путей зарабатывать деньги стала игра на бирже.

Стать владельцем акций той или иной фирмы было легко, даже слишком легко: получить кредит под приобретение акций не составляло большого труда, более того, величина первоначального взноса могла составлять лишь 10% от реальной стоимости акций. Игра на бирже становилась чем-то вроде хобби – и довольно-таки прибыльного хобби. Если в 1925-м суммарная рыночная стоимость акций была равна 27 миллиардам долларов, то перед

Полулегальный рынок акций на улице рядом со зданием Нью-Йоркской фондовой биржи.

паникой 1929-го она достигла 87 миллиардов – каждый доллар, вложенный в акции, утроился, а в отдельных случаях рост превысил 400%.

Но эта возможность легкого обогащения таила в себе две опасности. Во-первых, с некоторого момента, когда спекулятивная стоимость ценных бумаг существенно превысила их действительную стоимость, акции, по сути, перестали являться документами, дающими право на долю собственности в той или иной компании, а стали, скорее, просто бумажными листами с красивым типографским оформлением, ценность которых состояла в том, что их можно было дорого купить и еще дороже продать. Ситуация стремительно приближалась к пресловутой «тюльпановой лихорадке» в Голландии XVII века, когда в спекулятивном безумии в общем-то бесполезные луковицы тюльпанов покупались и продавались за тысячи полновесных золотых флоринов.

Во-вторых, стремительный рост стоимости акций привел к тому, что многие финансовые и общественные организации перешли от инвестирования своих средств в реальное производство и коммерцию к инвестированию в биржевые спекуляции.

И в-третьих, кажущаяся легкость биржевой игры вовлекла в нее людей, знакомых с ее правилами лишь понаслышке – а с хитрыми трюками биржевых акул незнакомыми вовсе. Эти люди

были легко подвержены внешнему влиянию, и именно они составили основную массу паникующих держателей акций. Каждому из них принадлежало немного, но их одновременное желание избавиться от акций и создало ту гигантскую волну паники, захлестнувшую биржу. Фактически финансовое счастье миллионов американцев, связанных с биржевой игрой напрямую или опосредованно, было весьма неустойчивой конструкцией, выстроенной на песке, – достаточно было пусть не самого сильного, но хорошо направленного удара, чтобы эта постройка обрушилась.

Хотя в пятницу, 25 октября, и субботу 26 сентября 1929 года биржевые торги, благодаря слаженным действиям больших игроков, направленным на исправление ситуации, привели к тому, что беспорядочный сброс акций прекратился и они начали вновь расти в цене – и это даже позволило части специалистов заявить о том, что рынок сбросил пар и ситуация полностью нормализовалась, – тем не менее худшее было впереди. В пятницу, субботу и воскресенье разговоры о биржевом кризисе перестали быть узкоспециальной темой – на страницах

У этих людей не было денег, чтобы приобрести право на брокерскую деятельность, но они тоже пытались заработать на покупке и перепродаже акций.

Просто веселое развлечение: на тему биржи выпускались даже настольные игры, и до реального краха даже паника казалась лишь частью забавы.

крупнейших газет они проникли повсюду. Кричащие шапки заголовков, а не сухие экономические расчеты – вот что теперь было определяющим при принятии решений массой мелких и средних держателей акций. Желание воспользоваться начавшимся ростом и поскорее компенсировать потери четверга –

вот что определяло действия множества брокеров в понедельник – «Черный понедельник». Новый сброс акций, вызванный желанием хотя бы частично компенсировать финансовые потери, незамедлительно привел к снижению их цены. Те же самые акции AT&T теперь стоили 24 доллара – но это было падением по сравнению с пятницей и субботой, когда за них давали более тридцати. В свою очередь, проявившееся снижение стоимости акций вновь вызвало паническое желание продать все и как можно скорее: в этот день через торги прошло 9 212 800 акций – и три миллиона из этих девяти были сброшены за один лишь последний час торгов!

Следующий день побил все рекорды. 29 октября, в «Черный вторник», события «Черного четверга» стали казаться всего лишь досадным пустяком: за один день суммарная рыночная стоимость ценных бумаг снизилась на 14 миллиардов долларов, падение составило 17,3%.

Акции Radio Corporation упали в цене с 40,25 до 26 долларов всего лишь за первые два часа торгов; за акции Goldman Sachs Trading Corporation вечером давали только 35 долларов, хотя утром они оценивались в 60. Акции National City Bank of New York – крупнейшего банка страны, – стоившие 5200 долларов за акцию, упали до 1600 долларов. В течение вторника через торги прошло 16 410 035 акций – и на этот раз тикеры отстали от реального темпа торгов на 3 часа.

Слишком многие сделали ставку на биржевые спекуляции. Слишком многие понадеялись на выгоды от торговли клочками бумаги. Более трети потерь «Черного вторника» – 5,1 миллиарда долларов – были потерями фирм, на чьих плечах лежало обеспечение американцев электричеством, водой, газом, телефонной связью. Только лишь в январе 1929-го National City Bank вобрал в себя компанию, занимавшуюся кредитованием фермерских хозяйств (Farmers' Loan and Trust Company) – и теперь 70-процентные потери банка в биржевом зале неизбежно должны были обернуться ударом по фермерским хозяйствам.

Непреложная логика ведения бизнеса подсказывала всем, что убытки, понесенные из-за ошибок в конце октября, следует компенсировать, и как можно скорее. Но *одновременные* действия по взысканию задолженностей и ускоренному возврату кредитов привели к лавинообразным банкротствам и только усугуби-

ли ситуацию. Пытаясь судорожно выбраться из разверзшейся под ногами трясины кризиса, американская экономика лишь быстрее тонула в этой трясине.

Что же было причиной? Что спровоцировало начавшееся в сентябре медленное биржевое снижение, приведшее к столь стремительной катастрофе? На этот вопрос существует множество ответов, и, к сожалению, ни один из них нельзя признать достаточно весомым для объяснения сложившейся картины во всей ее полноте – но они заслуживают пристального рассмотрения.

Версия первая: нагнетание страхов на бирже вызвано тем, что Федеральный резерв¹ начал менять правила игры и провел частичную дефляцию, уменьшив количество находившихся в обороте платежных средств. Действительно, согласно данным статистики, общее количество платежных средств (монет, банкнот, сертификатов Казначейства) в 1929 году уменьшилось по сравнению с 1928 годом на 50 миллионов долларов. Однако же при этом выпуск Федеральным резервом купюр различного достоинства вырос на 66 миллионов долларов, а снижение произошло за счет утечки из страны золотых монет и обмена золотых сертификатов Казначейства на золото – и большей частью это происходило уже *после* биржевого краха. Кроме этого, сокращение общего количества платежных средств на 50 миллионов долларов – это сокращение всего лишь на *один* процент.

Версия вторая: кризис перепроизводства. Действительно, в 1929 году были выпущены более пяти миллионов радиоприемников, со сборочных конвейеров сошло полтора миллиона автомобилей Форд и почти 850 тысяч Шевроле, был выпущен миллионный холодильник Frigidaire. Но был ли при этом насыщен рынок?

Хотя доходы Radio Corporation of America (RCA) в 1930 году сократились на 45 миллионов долларов по сравнению с 1929 годом – однако количество домов, в которых были радиоприемники, уве-

¹ Федеральная резервная система – созданная в 1913 году частная акционерная банковская структура, выполняющая роль центрального банка США и осуществляющая контроль за выпуском банкнот.

личилось на три миллиона – темпы радиофикации были даже *выше*, чем в 1925–1929 годах. Аналогично, несмотря на начавшуюся депрессию, выросли производство и продажи Frigidaire. Хотя выпуск дорогих Кадиллаков сократился вдвое, но для недорогих и действительно массовых автомобилей снижение составило не многим более 24%. Генри Форд без тени лукавства говорил о том, что данное время – лучшее для ведения бизнеса, – и в 1930-м за ворота его завода выкатилось *вдвое больше* автомобилей, чем в докризисном 1928-м.

Версия третья: британское влияние на американский рынок. Сторонники этой версии считают случившееся результатом финансовой аферы лондонского бизнесмена Кларенса Хэтри. После того как в сентябре 1929-го были вскрыты его махинации с выпуском необеспеченных ценных бумаг, а сам он был признан банкротом с суммарным долгом более 65 миллионов долларов, британские капиталы начали отток с американского фондового рынка. Однако эта история никак не может объяснить поведение биржевых игроков, никак не связанных с Британией, и в целом влияние банкротства Хэтри на американский рынок рассматривается историками как незначительное.

Версия четвертая: изменение тарифной политики во внешней торговле. Ряд исследователей полагает, что обсуждение в Сенате закона Смута-Хоули, предусматривавшего повышение тарифов на импорт¹, вынуждало часть брокеров избавляться от акций тех компаний, успех деятельности которых был связан с внешней торговлей. Однако, с другой стороны, в тот момент значение этого закона не было большим: фактически ему даже не уделялось сколько-нибудь серьезного внимания в прессе. Сенатские обсуждения могли заинтересовать незначительную часть биржевых игроков, но они не могли повлиять на основную массу держателей акций – ведь многие об этом законе еще попросту

¹ Закон Смута-Хоули увеличивал или впервые устанавливал ввозную пошлину на двадцать тысяч наименований импортных товаров. По данным U.S. Tariff Commission, бюллетень *The Tariff Review* от июля 1930 года, средний уровень пошлины на 15 основных видов товаров составил 41%, однако на ряд товаров пошлина достигла 140%.

ничего не знали. Более того, в то время этот закон многими оценивался как направленный на защиту американских фермеров и поддержку промышленности.

Наконец, нельзя забывать и о том, что начало сентябрьскому снижению на бирже было положено скоординированными действиями нескольких крупных американских игроков. В числе этих игроков был, например, Джозеф Патрик Кеннеди-старший, мультимиллионер и политик, отец будущего президента США Джона Фитцджеральда Кеннеди. Говоря о «сентябрьской атаке медведей» на Нью-Йоркской бирже, следует отметить важный момент: сентябрьское снижение было довольно незначительным. В этом снижении для тогдашних биржевых игроков не было ничего нового, ничего необычного – поэтому произошедшее не удивляло и не пугало. «Сентябрьская атака медведей» могла бы сформировать атмосферу ожидания скорого краха – но не сформировала, и многие ведущие эксперты в сентябре и октябре уверяли, что рынок ценных бумаг возобновит подъем. На протяжении долгих лет многократного роста подобное случалось достаточно часто – и, после продлившегося пару недель снижения, стоимость акций всякий раз начинала расти – как это было, например, в декабре 1928-го и мае 1929-го.

Нельзя считать определяющим фактором и то, что объем выставленных на продажу акций в несколько раз превысил среднее значение в 4 миллиона акций в день. За семь месяцев до обвала биржи, 26 марта 1929 года сменили владельцев 8 246 742 акции – это вполне сравнимо с данными «Черного понедельника», – но даже такой большой объем отнюдь не вызвал коллапса системы технического обеспечения торгов, хаоса и паники.

Существуют и другие версии – но все они могут объяснить случившееся лишь частично. Для обрушения биржи потребовалось совокупное действие множества разнонаправленных факторов – и острое желание биржевых игроков добиться личного успеха без оглядки на других.

В теории игр существует так называемая «дилемма заключенного». Что она собой представляет? Допустим, что в руки полиции попали двое преступников, и им, изолированным друг

от друга, предлагается сделка с правосудием на следующих условиях: если один свидетельствует против другого, а тот хранит молчание, то первый освобождается за помощь следствию, а второй получает 10 лет лишения свободы. Если оба молчат, их деяние проходит по более легкой статье, и они приговариваются к 6 месяцам. Если оба свидетельствуют друг против друга, они получают по 2 года тюрьмы. Каждый заключенный выбирает, молчать или свидетельствовать против другого, однако ни один из них не знает точно, что сделает напарник.

Казалось бы, наиболее рациональной моделью поведения в данном случае является как можно более быстрое свидетельство против напарника – однако же, если этой модели поведения следуют *оба*, то вместо ожидаемого немедленного выхода на свободу они получают двухлетнее тюремное заключение. Логически выверенное действие, *основанное на страхе*, не только не приносит желаемого наилучшего результата, но и оказывается по своим последствиям худшим, чем отвергнутое обоюдное сотрудничество, дававшее пусть не наилучший, но неплохой результат.

Точно так же, как и персонажи этой задачи, игроки на поле американской экономики имели возможность выбирать между попыткой немедленного спасения любой ценой и сотрудничеством ради общего блага.

Одни боялись не успеть избавиться от слишком раздутых акций. Другие опасались не успеть воспользоваться волной снижения, созданной «медведями». Над третьими нависала острая необходимость выплат по кредитам, и они хотели поскорее заткнуть появившиеся финансовые дыры. У каждого был свой страх. Усилия немногих, хотя и подкрепленные десятками миллионов долларов, направленные на постепенное оздоровление фондового рынка, не смогли компенсировать поспешные действия тех, кто жаждал спасения немедленно и любой ценой – и заталкивал себя и экономику страны в глубокую яму.